

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Артиллерійскій Журналъ 1865 года, №№ 2—7; *Оружейный Сборникъ* 1864 г. и 1865 г., №№ 1 и 2.—*Erörterungen über das Duell, nebst einem Vorschlage, von Hermann Graf Keyserling.* — *Картографическое извѣстіе:* о второмъ изданіи „Карты Европейской Россіи и Сибири, съ обозначеніемъ военныхъ округовъ“.

Артиллерійскій Журналъ 1865 года, №№ 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

Въ числѣ вопросовъ, интересующихъ въ настоящее время наше артиллерійское общество—судя, по крайней мѣрѣ, по подлежащимъ нашему обзору номерамъ „Артиллерійскаго Журнала“—весьма видное мѣсто занимаетъ вопросъ о крѣпостной артиллеріи, ея составѣ, вооруженіи, хозяйствѣ и т. п. Въ этомъ отношеніи, въ разсматриваемыхъ нами номерахъ находимъ нѣсколько статей, которыя обращаютъ на себя особенное вниманіе читателей-неспеціалистовъ тѣмъ, что выставляютъ вполнѣ всѣ недостатки организаціи крѣпостной артиллеріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ и мѣры для ихъ устраненія. Въ числѣ такихъ статей на первомъ планѣ стоитъ статья г. Теплова: „Объ улучшеніяхъ въ организаціи и хозяйствѣ крѣпостной артиллеріи“ (въ №№ 2 и 3). Съ этою статьею мы познакоимъ читателей „Военнаго Сборника“ болѣе подробно. Затѣмъ къ того же рода статьямъ относятся лекціи г. М. Зиновьева: „О вооруженіи приморскихъ крѣпостей“ (въ №№ 2, 4 и 5) и, въ № 4, „О ро-

дахъ и калибрахъ нормальныхъ орудій будущаго вооруженія сухопутныхъ крѣпостей“. Эта послѣдняя статья составляетъ часть журнала, состоявшагося въ комитетѣ для опредѣленія вооруженія крѣпостей.

Приступая къ изложенію недостатковъ крѣпостной артиллеріи, г. Тепловъ считаетъ необходимымъ придать этому вопросу болѣе обширное значеніе и разсматривать его не иначе, какъ въ смыслѣ общепартиллерійскомъ, такъ какъ крѣпостная артиллерія, со всѣми придаточными къ ней учрежденіями, на столько тѣсно связана съ полевой, что, говоря о переселеніи первой, нельзя оставить безъ вниманія второй, а также и парковъ осадныхъ, мѣстныхъ, подвижныхъ и летучихъ, подвижныхъ арсеналовъ, подвижныхъ и мѣстныхъ лабораторій. Поэтому-то г. Тепловъ, избравъ темою своей статьи улучшеніе организаціи и хозяйства собственно только одной крѣпостной артиллеріи, требуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полной реорганизаціи всей артиллеріи, находя необходимымъ установить между всѣми отдѣльными частями ея болѣе прочную и тѣсную связь сравнительно съ нынѣ существующею.

„Артиллерія крѣпостная и полевая — говоритъ онъ — лабораторіи и арсеналы, имѣвшіе свое особое начальство, свои особые интересы и положенія, соединялись только въ лицѣ генераль-фельдцейхмейстера, но были чужды другъ другу, были частями разрозненными, какъ разрознены теперь пѣхота отъ кавалеріи, артиллерія отъ пѣхоты, хотя всѣ эти роды войскъ стекались и стекаются въ одно военное министерство. Учрежденіемъ нынѣ округовъ сдѣланъ шагъ къ сближенію различныхъ артиллерійскихъ частей; но этотъ шагъ доказываетъ, что мысль остановилась на пути своего развитія. Еще шагъ въ подраздѣленіи округовъ, но въ подраздѣленіи однохарактерномъ, и дѣло приметъ совершенно другой видъ.

„Для осуществленія этого необходимо, чтобы крѣпость составляла сборный пунктъ артиллеріи: крѣпостной, полевой, парковъ, лабораторіи и подвижныхъ арсеналовъ; необходимо, чтобы все это слилось, хотя на мирное время, въ одно нераздѣльное цѣлое, подъ вѣдѣніемъ одного лица. Такое совокупленіе разнородныхъ артиллерійскихъ частей неминуемо повлечетъ за собою сліяніе ихъ; съ этою мѣрою исчезнетъ то глубоко вкоренившееся предубѣжденіе, не только въ обществѣ, но, къ несчастію, и въ лицахъ артиллерійскаго авторитета, что не всѣ

эти отрасли одинаково важны въ общемъ дѣлѣ совершенствованія артиллеріи. При нынѣшней разрозненности частей, даже уравненіе правъ служащихъ въ нихъ, содержаніемъ, мундиромъ и назначеніемъ, не приведетъ къ желаемой цѣли—слиянію ихъ въ одно гармоническое цѣлое, ибо всегда одна часть будетъ подавлена другою, и пассивная сторона — крѣпостная артиллерія и парки останутся въ томъ же видѣ безъ средствъ къ развитію.“

Задавшись такимъ предположеніемъ, г. Тепловъ всю статью свою направляетъ къ тому, чтобы доказать это положеніе, и надо отдать полную справедливость автору: онъ выводитъ необходимость положенія и защищаетъ его чрезвычайно логически и послѣдовательно.

Прежде всего, для вывода необходимости предлагаемой мѣры, г. Тепловъ рассматриваетъ нынѣшнее состояніе артиллеріи съ трехъ сторонъ: ученой, строевой или боевой и хозяйственной, и затѣмъ уже указываетъ, на сколько несовершенно развитіе каждой изъ этихъ сторонъ и какія мѣры могутъ быть приняты для приданія каждой изъ нихъ того развитія, при которомъ скорѣе всего можно ожидать результатовъ наиболѣе выгодныхъ для артиллеріи.

Не останавливаясь подробно на томъ, что именно предлагается г. Тепловъ для усовершенствованія разныхъ сторонъ артиллерійскаго дѣла, и предоставляя обсужденіе этихъ вопросовъ специалистамъ-артиллеристамъ, мы считаемъ наиболѣе интереснымъ для нашихъ читателей представить, со словъ г. Теплова, картину современнаго состоянія ученой, строевой и хозяйственной сторонъ нашей артиллеріи, картину, которая лучше всего покажетъ, въ чемъ нуждается эта часть военной нашей силы и чего недостаетъ ей для полнаго развитія. Картина эта, быть можетъ, покажется не совсѣмъ блистательною, но тѣмъ не менѣе она должна быть истинна, такъ какъ до сихъ поръ не встрѣчалось еще въ печати никакихъ возраженій противъ г. Теплова. Впрочемъ, она не должна никого поражать, а тѣмъ болѣе обижать, ибо недостатки встрѣчаются вездѣ и во всемъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ ихъ устраненію только и могутъ служить сознаніе ихъ и изученіе.

Ученое поприще артиллеріи чрезвычайно обширно и необыкновенно важно. Это вполнѣ сознается всѣми; но не всегда имѣются средства для того, чтобы ученая-то сторона артилле-

ри получала полное, надлежащее развитие. Въ самой службѣ, въ самой организаціи артиллеріи встрѣчаются даже противо-дѣйствія, задерживающія и недопускающія развитие образова-нія въ артиллеріи.

„Правительство — говоритъ г. Тепловъ — съ своей стороны обратило полное вниманіе на первоначальное научное образо-ваніе артиллеристовъ: оно расширило размѣры академіи, дало нѣкоторыя права и преимущества окончившимъ курсъ въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи; но мѣра эта не даетъ ожидае-мыхъ результатовъ. Академическое образованіе, при всей своей полнотѣ, есть не болѣе какъ хорошіе начатки; дальнѣйшее раз-витіе зависитъ отъ продолженія занятій, отъ непрерывнаго при-мѣненія теоретическихъ познаній къ практикѣ, чѣмъ уясняется и самая теорія. Недостаткомъ средствъ къ продолженію спе-ціальныхъ занятій по отрасли артиллерійскаго искусства легко объяснить, что изъ большаго числа офицеровъ, выпущенныхъ изъ академіи, весьма немногіе продолжаютъ ученые занятія, и эти немногіе въ числѣ оставшихся либо при той же академіи, либо при одномъ изъ заводовъ и вообще изъ числа избрав-шихъ путь по технической части; всѣ же прочіе, поступившіе въ ряды строевой службы, весьма скоро становятся въ уро-вень со всѣми неносящими ученаго диплома въ видѣ асесс-банта. Нерѣдко приходится даже удивляться быстротѣ, съ какою погасаютъ научныя свѣдѣнія, приобрѣтенныя въ академіи.“

Разбирая затѣмъ отдѣльно, на сколько въ каждомъ родѣ артиллерійской службы встрѣчаются затрудненія для развитія научнаго образованія, г. Тепловъ находитъ, что въ полевой артиллеріи недостатокъ хорошихъ библиотекъ, непрерывныя передвиженія, стоянки по преимуществу въ мѣстечкахъ и селахъ, небольшая служебная требовательность, скудость средствъ, невозможность на практикѣ осязательнѣе, такъ сказать, слѣ-дить за усовершенствованіемъ артиллеріи, застой въ чинахъ, все это содѣйствуетъ къ подавленію энергіи для усидчиваго научнаго труда.

Здѣсь кстати нельзя не обратить вниманія на весьма спра-ведливое замѣчаніе г. Теплова относительно военныхъ библио-текъ. По мѣткому выраженію автора, „у кочующихъ людей не можетъ быть хорошей библіотеки!“ Г. Тепловъ весьма пра-вильно замѣчаетъ, что если, напримѣръ, въ батарейной би-бліотекѣ будетъ только „Артиллерійскій Журналъ“ въ двухъ

экземплярахъ, то за всѣ годы соберется такая масса книгъ, что батарея лишится всякой возможности возить ихъ, особенно если присовокупить къ этому и другія необходимыя изданія. То же самое можно сказать и о всякихъ другихъ библіотекахъ, принадлежащихъ частямъ войскъ, неимѣющимъ постояннаго расположенія на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; а это прямо ведетъ къ необходимости устройства мѣстныхъ, неподвижныхъ военныхъ библіотекъ, не увлекаясь желаніемъ придаванія каждой части войскъ полныхъ библіотекъ. Такое начало принято въ послѣднее время и французскимъ военнымъ вѣдомствомъ, которое, озабочиваясь развитіемъ образованія между войсками, стало заводить библіотеки не при частяхъ войскъ, а въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ сосредоточиваются болѣе или менѣе значительныя массы военнослужащихъ, какъ, напримѣръ, въ учебныхъ лагеряхъ и въ большихъ городахъ.

Что касается до крѣпостной артиллеріи, подвижныхъ и осадныхъ парковъ, то здѣсь г. Тепловъ находитъ еще менѣе задачъ для развитія военно-научнаго образованія, чѣмъ въ полевой артиллеріи. Въ крѣпостной артиллеріи отъ офицера требуется гораздо болѣе, чѣмъ въ полевой, и теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній. Дѣятельность, возлагаемая на офицеровъ крѣпостной артиллеріи, обнимаетъ собою основательное изученіе орудій самыхъ разнообразныхъ калибровъ, подразделенныхъ еще на системы и чертежи многихъ годовъ; въ томъ же разнообразіи и всѣ вспомогательныя средства. Какъ то, такъ и другое, въ крѣпостяхъ, представляетъ собою живую исторію постепеннаго усовершенствованія артиллерійскаго искусства, начиная съ прошедшаго столѣтія по настоящее время. Дѣятельность эта обнимаетъ собою требованіе отъ офицера довольно основательнаго знанія инженернаго и сапернаго искусствъ, необходимыхъ артиллеристу въ дѣлѣ обороны или атаки крѣпостей; она же требуетъ теоретическихъ и практическихъ знаній не только матеріальной части артиллеріи полевой, крѣпостной и осадной, но и оружія, назначаемаго для пѣхоты и кавалеріи, и всѣхъ вообще матеріаловъ, входящихъ въ кругъ потребностей артиллерійскаго вѣдомства. Наконецъ, существующими законоположеніями, на офицеровъ крѣпостной артиллеріи возложена контрольная часть по работамъ въ мастерскихъ; ими свидѣтельствуются годность приготовленнаго издѣлія и количество употребленнаго матеріала; ими свидѣтельствуются запасы и

сортируются предметы на годные, требующіе исправленія и негодные; ими же, наконецъ, свидѣтельствуются правильность расчетовъ и правильность веденія шнуровыхъ книгъ.

Несмотря на такую обширность круга дѣятельности офицеровъ крѣпостной артиллеріи, въ ней рѣдко или почти никогда не встрѣчаются офицеры, выпущенные изъ артиллерійской академіи. До 1859 года въ составъ ея назначались исключительно офицеры, произведенные изъ фельдфебелей и фейерверкеровъ, окончившихъ съ грѣхомъ пополамъ курсы дивизионныхъ фейерверкерскихъ школъ, въ программу которыхъ едва только вошло перечисленіе калибровъ орудій, существующихъ въ нашей артиллеріи!

Приказъ 1859 года сравнялъ права офицеровъ крѣпостной артиллеріи и парковъ съ полевою, но не могъ уничтожить раздѣльности между ними. Въ крѣпостной артиллеріи и по настоящее время остаются еще прежніе офицеры гарнизонной артиллеріи; офицеры же полевой артиллеріи неохотно идутъ въ крѣпостную, такъ какъ въ ней, при большихъ служебныхъ требованіяхъ, права менѣе значительны, чѣмъ въ полевой артиллеріи; даже офицеры, назначенные въ крѣпостную артиллерію по волѣ начальства, считаютъ себя временными служаками въ крѣпостяхъ, вслѣдствіе чего принимаютъ весьма слабое участіе въ занятіяхъ крѣпостной артиллеріи.

Казалось бы, что, при столь незначительныхъ средствахъ для научнаго образованія артиллеристовъ, должно было бы ожидать весьма хорошихъ послѣдствій отъ вводимыхъ нынѣ полигонныхъ занятій; но и въ пользѣ отъ такихъ занятій сомнѣвается г. Тепловъ, а главное—находить, что польза эта столь незначительна, что не окупаетъ даже издержекъ на устройство и содержаніе нынѣшнихъ полигоновъ.

„Для примѣра—говоритъ онъ—возьмемъ хотя предполагаемый полигонъ для артиллеріи Виленскаго военнаго округа, раздѣленной по губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, то есть на пространство 5,500 квадратныхъ миль. Другіе же округа еще на большемъ пространствѣ, какъ, напримѣръ, Московскій на 16,000 квадратныхъ миляхъ.

„Естественно, что вся артиллерія, разбросанная по шести губерніямъ, не можетъ принимать ежегодное участіе въ полигонныхъ занятіяхъ, особенно крѣпостная, для которой это было

бы нужны въ всего. Является потому потребность въ откомандированіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ по очереди, установивъ ее, примѣрно, хотя одинъ разъ въ пять лѣтъ. И въ такомъ случаѣ стеченіе къ политону, судя по многочисленности артиллерій въ этомъ округѣ, будетъ слишкомъ велико, чтобы образованные могли основательно заняться дѣломъ. Не говоря уже о томъ, что пятилѣтній срокъ негладить не въ намѣти не только наглядно-пріобрѣтеными свѣдѣніями, но и основательное изученіе предмета, особенно столь сложнаго. Командиры же частей, особенно командиры крѣпостныхъ артиллерій, прикованные хозяйствомъ къ мѣсту своего служенія, никогда и не увидятъ воинскихъ занятій.

Переходя затѣмъ къ строевой службѣ артиллеріи, мы теперѣшнѣ находимъ, что только одна полевая артиллерія имѣетъ возможность поддерживать ее если не на желаемой степенн совершенства, то, по крайней мѣрѣ, на удовлетворительной. Въ крѣпостной артиллеріи строевая служба находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, что признано и высшимъ управленіемъ; въ осадныхъ же паркахъ артиллерійская служба даже и вовсе не поддерживается; такъ какъ въ мирное время парки въ строевомъ отношеніи не существуютъ: въ нихъ нѣтъ ни командира, ни офицеровъ, ни людей; а имущество хранится въ крѣпостяхъ подъ вѣдѣніемъ чиновниковъ. Назначеніе же офицера и 44 рядовыхъ къ двумъ отдѣленнымъ осаднаго парка изъ крѣпостныхъ артиллерійскихъ ротъ не можетъ поддержать въ нихъ службы; потому что и въ самой крѣпостной артиллеріи служба неудовлетворительна.

Еще болѣе чѣмъ ученую и строевую часть порицають теперѣшнѣ хвойственную сторону нашей артиллеріи.

Хозяйственная часть полевой артиллеріи—говорить о ней въ свѣдѣніи безпрерывнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, не исполнѣ удовлетворительна, ибо тогда только можно ожидать удающаго бережливаго хозяйства, когда имѣются запасы, имѣются средства своевременнаго заготовленія различныхъ предметовъ лежащихъ на попеченія батарейныхъ командировъ, имѣются мѣста для храненія запасовъ, имѣются мѣста для устройства мастерскихъ и т. оди. При отсутствіи всѣхъ этихъ однихъ, необходимость указываетъ на единственный источникъ для поддержанія порядка это—на фуражъ, добытый съ мѣстъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что фуражъ въ батареяхъ поку-

нается дешевле цѣль отпускаемыхъ казною, а между тѣмъ на это смотрится болѣе чѣмъ снисходительно, т. е. въ этомъ случаѣ является законное покровительство беззаконію. Иначе и быть не можетъ.

„Хозяйственная часть парковъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ полевой артиллеріи, вслѣдствіе отдѣленія командира части съ нижними чинами и офицерами отъ имущества. Имущество парковъ по преимуществу находится въ крѣпостяхъ въ вѣдѣніи чиновниковъ, а нижніе чины, въ видахъ экономическихъ, разбросаны по деревнямъ нерѣдко за сто и болѣе верстъ. Ни образованія нижнихъ чиновъ, ни хозяйства, при этомъ порядкѣ, командиръ части поддерживать не можетъ.“

„Къ хозяйственной сторонѣ крѣпостной артиллеріи трудно и приступить: здѣсь царствуетъ тьма, сюда не проникаетъ даже свѣтъ отъ вновь изданнаго руководства для артиллерійскихъ офицеровъ. Такой чувствительный пробѣлъ въ памятной книгѣ заставляетъ придти къ тому заключенію, что не нашлось со-трудника для освѣщенія этого темнаго ядра. Скажу коротко: въ крѣпостной артиллеріи нѣтъ средствъ для правильного веденія хозяйства и есть всѣ средства для извращенія этого хозяйства.“

Замѣтимъ при этомъ, что, прозвоня столь рѣзкій приговоръ хозяйственной части крѣпостной артиллеріи, г. Теплоу отнюдь не дѣлаетъ его голословно, а подтверждаетъ (въ № 3 „Артиллерійскаго Журнала“) весьма обстоятельнымъ разборомъ хозяйственной части крѣпостной артиллеріи въ отношеніяхъ: пріема, сдачи, храненія, заготовленія разнаго рода предметовъ и письменной отчетности.

Наконецъ, переходя къ важнѣйшей отрасли артиллерійскаго управленія, именно къ контролю, повѣряющему правильность дѣйствій и распоряженій по частямъ ученой, строевой и хозяйственной, авторъ разсматриваемой нами статьи находитъ, что въ крѣпостной артиллеріи онъ наиболѣе нуженъ, а между тѣмъ здѣсь-то и нѣтъ его: нѣтъ должнаго контроля надъ командиромъ крѣпостной артиллеріи, нѣтъ подавно и контроля командира надъ подвѣдомственными ему чинами.

Такая картина современнаго состоянія нашей артиллеріи приводитъ г. Теплоу къ тому справедливому убѣжденію, что современная организація артиллеріи вообще далеко неудовле-

творительна и что поэтому предстоит настоящая необходимость въ преобразованіи существующаго порядка дѣль.

Преобразование это, какъ мы уже упоминали выше, по мнѣнію г. Теплова, должно заключаться въ томъ, чтобы нынѣ сформированные артиллерійскіе округа, соответствующіе военнымъ округамъ Россіи, подраздѣлить на артиллерійскіе районы, средоточіемъ которыхъ служили бы крѣпости или, за ихъ недостаткомъ, особо устроенные полигоны, вокругъ которыхъ группировалось бы соединеніе всѣхъ родовъ артиллеріи, т. е. соединеніе полевыхъ пѣшихъ и конныхъ батарей, крѣпостной артиллеріи, парковъ подвижныхъ, летучихъ и осадныхъ, подвижныхъ лабораторій и арсеналовъ. Короче сказать, авторъ предлагаетъ образованіе артиллерійскихъ округовъ совершенно на подобіе подобныхъ же округовъ, существующихъ во Франціи.

Не вдаваясь въ подробности тѣхъ мѣръ, которыя предлагаетъ г. Тепловъ для осуществленія своего предложенія, а также не имѣя возможности, по ограниченности нашего обзора, приводить здѣсь и указаніе тѣхъ выгодъ, какихъ можно ожидать отъ подобнаго сгруппированія всѣхъ родовъ артиллеріи въ районы, мы остановимся только на двухъ соображеніяхъ, которыя, какъ намъ кажется, дѣйствительно указываютъ на возможность измѣненія современнаго распредѣленія и организаціи артиллеріи. На этихъ двухъ соображеніяхъ мы потому преимущественно останавливаемся, что они, относясь собственно до артиллеріи, въ то же время касаются отчасти и прочихъ родовъ войскъ.

„При настоящемъ размѣщеніи артиллеріи—говоритъ г. Тепловъ—т. е. при разбросанности ея и непрерывномъ передвиженіи ея съ мѣста на мѣсто, имѣлось въ виду: первое—сближеніе полевой артиллеріи съ пѣхотою и кавалеріею, въ видахъ упражненія въ совокупномъ дѣйствіи всѣхъ родовъ войскъ; второе, возможно-быстрое соединеніе дивизіи съ ея артиллеріею на случай потребности въ усиленіи извѣстнаго пункта на границѣ государства или выступленія за границу.

„Во имя этихъ двухъ данныхъ приносились въ жертву специальное научное образованіе артиллеріи, совершенствованіе матеріальной части, хозяйственная часть батарей, влекущая за собою десятки и сотни тысячъ излившихъ расходовъ, и, наконецъ, во имя тѣхъ же данныхъ, приносились въ жертву крѣпостная артиллерія, парки осадные, летучіе и подвижные, со

вѣдми непріизводительными расходами на внутреннее козическое управление артиллеріею.

Эти-то два условия, которыми оправдывалось современное разбросанное размѣщеніе нашей артиллеріи, и разсматриваетъ г. Тепловъ въ томъ смыслѣ, на сколько именно необходимо сохраненіе ихъ, не взирая на всю причиняемую ими для артиллеріи невыгоду.

Что касается перваго изъ нихъ, то есть до необходимости сближенія артиллеріи съ пѣхотою и кавалеріею, то по этому предмету существуютъ самыя противорѣчивыя мнѣнія. Но мнѣнію г. Теплова, нельзя ожидать отчужденія между артиллеріею и другими родами войскъ даже и при отдѣльномъ расположеніи артиллеріи по районамъ, потому что все-таки по прежнему всѣ роды войскъ могутъ быть соединяемы для гнѣвныхъ учений и маневровъ, на которыхъ въ сущности только и можетъ устанавливаться сближеніе между артиллеріею и другими родами войскъ. Соединеніе же пѣхоты или кавалеріи съ артиллеріею подъ однимъ начальствомъ въ мирное время, когда войска по квартирамъ и когда сборовъ болѣе значительныхъ массъ войскъ не производится, нисколько не можетъ имѣть вліянія на сближеніе ихъ между собою.

Но извѣстно, что многіе военные люди считаютъ необходимымъ иной порядокъ дѣль. Такъ, между прочимъ, въ № 8 „Артиллерійскаго Журнала“ находимъ небольшую статью: „Замѣтки о конной артиллеріи“, авторъ которой требуетъ какъ можно большаго сближенія между конною артиллеріею и кавалеріею; а изъ этого можно вывести, что подобное же сближеніе необходимо должно существовать и между пѣхотою и пѣшею артиллеріею. Авторъ статьи выставляетъ и тѣ доводы, на которые обыкновенно указываютъ защитники необходимости подобнаго сближенія. Вотъ что говоритъ онъ по этому предмету:

„Квартируя почти всегда вдали отъ центра расположенія кавалерійской дивизіи, конная артиллерія ведетъ свою отдѣльную строевую дѣятельность, тѣсно ограниченную исключительно одними уставными правилами; при рѣдкихъ, какъ бы случайныхъ столкновеніяхъ съ кавалеріею, она постоянно остается чѣмъ-то невѣдомымъ и туманнымъ для послѣдней и сама не имѣетъ достаточной возможности вникнуть въ кавалерійскій строй и подсмотрѣть слабыя стороны его, для соображенія, какъ выгодно-дѣйствовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ. На-

начальникъ кавалерійской дивизіи есть только номинальный начальникъ конно-артиллерійской бригады; ни во что не выбливающийся и даже въ строевомъ отношеніи не имѣющій никакого вліянія; однимъ словомъ, конная артиллерія въ мирное время представляется отрѣзаннымъ ломтемъ отъ кавалеріи; тогда какъ въ военную пору должна составлять съ нею неразрывное цѣлое. Отъ этого начальники кавалерійскихъ дивизій становятся чуждыми своей конной артиллеріи, не знаютъ ни ея свойствъ, ни боевыхъ способностей, не знаютъ что съ нею дѣлать, когда она появится на общемъ сборѣ какъ ничто невпопадъ приниженное въ общему строю; и, наконецъ, въ боевое время могутъ смотрѣть на нее какъ на бремя, которое вдобавокъ надо еще и охранять. Естественно, что эта отчужденность и нежеланіе прикрывать бремя переходятъ отъ начальниковъ къ подчиненнымъ по всѣмъ степенямъ, и кавалерія съ любопытствомъ смотритъ на конную артиллерію, быть можетъ даже не какъ на войско, а какъ на отрядъ акробатовъ, годныхъ лишь для мирнаго времени и способныхъ показывать свое искусство только на учебномъ полѣ.“

Таковы вообще мнѣнія поборниковъ необходимости сближенія между артиллеріей и другими войсками. Но, по нашему мнѣнію, изъ двухъ существующихъ взглядовъ на степень необходимости сближенія между артиллеріей и другими родами войскъ, взглядъ г. Теплова можетъ считаться болѣе рациональнымъ и общающимъ болѣе выгоды собственно для артиллеріи въ случаѣ его осуществленія. Взглядъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ заслуживающимъ вниманія, что, требуя уничтоженія постоянного соединенія артиллеріи съ другими родами войскъ, онъ въ то же время нисколько не отвергаетъ необходимости временнаго соединенія ихъ для линейныхъ ученій и маневровъ. Соединеніе это возможно и даже можетъ быть произведено еще съ большими удобствами при расположеніи артиллеріи по артиллерійскимъ округамъ, чѣмъ въ настоящее время.

Въ настоящее время — говоритъ г. Тепловъ — если стягивается дивизія для лагернаго сбора, то какъ войска той же дивизіи, такъ и батареи дѣлаютъ передвиженія отъ 200 до 300 верстъ, и даже болѣе; слѣдовательно, вся разница будетъ заключаться въ томъ, что батарея, имѣющая въ виду, положимъ, двухсоверстный переходъ, выступитъ изъ одного пункта, а не изъ другаго. Къ этому надо прибавить, что лагерные сборы

цѣлыми дивизіями бывають весьма рѣдко, въ случаяхъ только высочайшихъ смотровъ; для этихъ же рѣдкихъ случаевъ переходы въ двѣсти и триста верстъ не составляютъ для батарей обремененія и разстройства въ хозяйствѣ, ибо всѣ запасы, какъ боевые, такъ и относящіеся къ матеріальной части, остаются въ крѣпости, въ мѣстѣ постоянного расположенія батареи, подъ надлежащимъ присмотромъ и въ удобномъ помѣщеніи.⁴

Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно и много говоритъ въ пользу введенія размѣщенія артиллеріи по округамъ. Въ пользу этого же размѣщенія говорятъ также и тѣ удобства, которыя представляются въ случаѣ выступленія дивизіи съ артиллеріей въ походъ. При расположеніи артиллеріи при пѣхотныхъ или кавалерійскихъ дивизіяхъ, въ случаѣ объявленія похода или приведенія съ мирнаго на военное положеніе, встрѣчается необходимость въ самой хлопотливой дѣятельности: закупаются лошади, рассылаются приемщики по крѣпостямъ для приѣма всѣхъ боевыхъ припасовъ и зарядныхъ ящиковъ; батареинный командиръ затрудняется, какъ распорядиться съ хозяйственною частію, гдѣ оставить имущество, неполагающееся въ батареяхъ по штату, но имѣющееся какъ необходимая потребность батарей. Начинается безпрестанная сдача и приѣмъ имущества; на все это употребляется много времени, и списывается бесполезно много бумаги, затрачиваются большія деньги на командированіе приемщиковъ, на перевозку имущества, и батарея такимъ путемъ не можетъ быть приведена скоро въ надлежащее боевое положеніе.

При образованіи же артиллерійскихъ районовъ и расположеніи батарей по крѣпостямъ, съ тѣмъ, чтобы они составляли одно цѣлое, подъ вѣдѣніемъ одного лица, батарея, въ случаѣ крайней поспѣшности, можетъ выступить не только въ дивизионномъ, но и въ батареинномъ составѣ, съ однимъ рядомъ зарядныхъ ящиковъ, съ комплектными на нихъ боевыми зарядами, въ 24 часа.

Здѣсь нѣтъ затрудненія въ приготовленіи боевыхъ зарядовъ, нѣтъ затрудненія въ приѣмѣ и сдачѣ, нѣтъ переписки, нѣтъ затрудненія въ оставленіи батареиннаго имущества, нѣтъ необходимости бросить имущество, заведенное попеченіемъ батареиннаго командира, какъ говорится, хозяйственнымъ способомъ, нѣтъ перевода убытковъ; понесенныхъ батареиннымъ команди-

ромъ; на счетъ казны въ видѣ справочныхъ цѣвъ на оловъ и свѣно.

Такимъ образомъ, тѣ условія, которыя выставлялись въ защиту современнаго порядка размѣщенія артиллеріи, могутъ быть вполне и даже еще съ большимъ удобствомъ удовлетворены и при расположеніи артиллеріи по районамъ. Этого обстоятельства и можетъ въ значительной степени служить поддержкою предложенія г. Теплова, независимо отъ другихъ выгодъ, представляемыхъ предлагаемымъ имъ соединеніемъ всѣхъ родовъ артиллеріи въ особые районы.

Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что г. Тепловъ, не настаивая на точномъ распредѣленіи этихъ районовъ и на назначеніи имъ пунктовъ средоточія, полагаетъ, что въ западной и въ южной частяхъ Россіи, гдѣ наиболѣе сосредоточены войска, наиболѣе удобными для концентрированія въ нихъ артиллеріи представляются слѣдующіе 18 пунктовъ: Свеаборгъ, Выборгъ, С.-Петербургъ съ Кронштадтомъ, Рига съ Динамондомъ, Динабургъ, Вильна, Вобруйскъ, Варшава, Новогеоргиевскъ, Брестъ-Литовскъ, Замостье, Ивангородъ, Кіевъ, Бендеры, Николаевъ, Херсонъ, Керчь, Москва.

Что же касается Кавказа, Сибири и Оренбургскаго края, то въ нихъ размѣщеніе артиллеріи и артиллерійскихъ запасовъ подлежитъ совершенно особымъ мѣстнымъ условіямъ.

Со введеніемъ артиллерійскихъ районовъ, г. Тепловъ предлагаетъ вовсе упразднить: 1) званіе бригадныхъ командировъ и бригадные штабы; 2) должности штабъ-офицеровъ, завѣдывающихъ учебными полигонами, такъ какъ послѣдніе будутъ устроены уже на иныхъ основаніяхъ при крѣпостяхъ; 3) формированіе въ военное время штабовъ двухъ осадныхъ парковъ, замѣнивъ ихъ штатами какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени, для восьми осадныхъ парковъ (называемыхъ нынѣ отдѣленіями) съ командирами, офицерами и нижними чинами; 4) въ мирное и военное время подвижныя лабораторныя роты и полуроты съ тѣмъ, чтобы и мѣстныя лабораторіи были преобразованы; наконецъ 5) окружныя фейерверкерскія школы съ тѣмъ, чтобы вообще преобразованы были всѣ артиллерійскія школы для нижнихъ чиновъ.

Уже изъ этого краткаго перечня предлагаемыхъ къ упраздненію должностей и лицъ можно видѣть значительность реформы, предлагаемой г. Тепловымъ. Для лучшаго же поясненія этой

реформы во всехъ ея подробностяхъ и для полного выясненія связанныхъ съ нею преимуществъ, авторъ излагаетъ въ своей статьѣ, во всей подробности, примѣрный составъ динабургскаго района, указываетъ порядокъ управления его, занятій въ немъ артиллеріи, устройства школъ, состава крѣпостной артиллеріи и затѣмъ выводитъ, какія выгоды представляетъ образованіе подобныхъ районовъ въ ученномъ, строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе обзора статьи г. Теплова мы должны сказать, что, несмотря на нѣкоторую мѣстами тяжеловатость слоговъ, статья читается даже неспеціалистомъ съ большимъ интересомъ. Въ Ланци г. М. Зиновьева — о вооруженіи приморскихъ крѣпостей — читаны были въ 1864 году, при московскомъ учебномъ полигонѣ. Онѣ также до нѣкоторой степени подтверждаютъ то, что высказалъ г. Тепловъ о крѣпостной артиллеріи, т. е. что въ артиллеріи этой, несмотря на всю важность ея занятій, не обращается на нихъ должнаго вниманія. Самый вопросъ объ артиллерійскомъ вооруженіи отдѣльныхъ батарей и фортовъ до сихъ поръ не только нигдѣ не былъ разработанъ, но даже почти не затронутъ. Въ военной литературѣ есть нѣкоторыя разрозненные и отдѣльныя указанія насчетъ вооруженія сухопутныхъ и отчасти береговыхъ укрѣпленій, но ничего нѣтъ о вооруженіи отдѣльныхъ морскихъ батарей, построенныхъ на островахъ, или о вооруженіи возвышающихся изъ моря этажей яруснаго форта.

У насъ, въ Россіи — говоритъ г. Зиновьевъ — способъ вооруженія этихъ батарей, по преданіямъ, хранится въ остаткахъ бывшей совершенно замкнутой и мало-развитой корпораціи крѣпостной или такъ называемой гарнизонной артиллеріи, и грубые способы производства вспомогательныхъ дѣйствій болѣею частью изустно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе старыми гарнизонными артиллеристами (преимущественно фейерверкерами и рядовыми). Эти-то люди были, такимъ образомъ, говоря безъ преувеличенія, единственными спеціалистами по этому вопросу, единственными его двигателями. Весьма естественно, что, при совершенной необразованности такихъ спеціалистовъ, въ производствѣ вспомогательныхъ дѣйствій неминуемо должно быть внесено много рутинны, рѣшительно препятствовавшей дальнѣйшимъ успѣхамъ этой отрасли артиллеріи.“

Въ видахъ разсвѣтлѣнія этой-те рутины, съ дѣлю внесенія новой жизни въ эту отрасль артиллеріи, г. Зиньковъ и предпринимая свои изслѣданія о вооруженіи приморскихъ крѣпостей. Остановившись на нихъ мы не считаемъ нужнымъ, по самому исключительному-техническому ихъ характеру, но тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ указать на нихъ, какъ на совершенное новое явленіе въ нашей литературѣ, и притомъ (какъ на новое доказательство того вниманія, каковъ-стали обращать на себя въ послѣднее время крѣпостная артиллерія и все относящееся къ ней. Въ этомъ нельзя не видѣть также результата доклада 1859 года, которое ввело въ крѣпостную артиллерию офицеровъ полевой артиллеріи и тѣмъ придадо первой новый задокъ къ дальнѣйшему, болѣе полному ея преуспѣванію.

А что крѣпостной артиллеріи дѣйствительно необходимо нужно обновленіе прежней рутины и болѣе развитіе научныхъ познаній, въ этомъ убѣждаютъ тѣ измѣненія въ самой матеріальной части крѣпостной артиллеріи, которыя вводятся въ ней въ послѣднее время. Матеріальная часть крѣпостной артиллеріи всегда была очень сложна; но въ настоящее время она еще болѣе усложняется и введеніемъ въ вооруженіе крѣпостей нарѣзныхъ орудій, и даже измѣненіемъ самыхъ построекъ крѣпостей. Не говоря уже о послѣднемъ условіи, одно введеніе нарѣзныхъ орудій требуетъ отъ крѣпостныхъ артиллеристовъ обширныхъ научныхъ познаній, чтобы умѣть употреблять съ пользою новыя орудія и содѣйствовать ихъ дальнѣйшему усовершенствованію. Что нарѣзные орудія будутъ составлять отнынѣ главную, наиболѣе существенную часть крѣпостной артиллеріи, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Во всей Европѣ принимаются дѣятельныя мѣры для вооруженія крѣпостей нарѣзными орудіями, и у насъ также вопросъ этотъ подвергся серьезному изслѣдованію въ особомъ комитетѣ, занимавшемся опредѣленіемъ вооруженія крѣпостей. Извлеченіе изъ положеній, принятыхъ комитетомъ, помѣщено, между прочимъ, въ № 4 „Артиллерійскаго Журнала“, подъ заглавіемъ: „О родахъ и калибрахъ нормальныхъ орудій будущаго вооруженія сухопутныхъ крѣпостей“.

Изъ этой статьи видно, что комитетъ призналъ необходимымъ имѣть въ сухопутныхъ крѣпостяхъ слѣдующіе роды и калибры орудій:

а) НАРѢЗНЫЯ.

Нормальные: 1) пушки 8-дюймовыя стальные для сухопутныхъ крѣпостей, заряжающіяся сзади; 2) пушки 24-фунтовыя стальные для сухопутныхъ крѣпостей, заряжающіяся сзади (*); 3) пушки 24-фунтовыя чугуныя, заряжающіяся сзади; 4) пушки 12-фунтовыя стальные, заряжающіяся сзади; 5) пушки 12-фунтовыя чугуныя, заряжающіяся сзади; 6) пушки 4-фунтовыя стальные, заряжающіяся сзади; 7) мортиры 6-дюймовыя мѣдныя.

Переходныя: 1) пушки 24-фунтовыя мѣдныя, заряжающіяся съ дула; 2) пушки 24-фунтовыя чугуныя, скрѣпленныя кольцами, заряжающіяся съ дула; 3) пушки 12-фунтовыя чугуныя, скрѣпленныя кольцами, заряжающіяся съ дула; 4) пушки 12-фунтовыя мѣдныя батарейныя; 5) пушки 12-фунтовыя мѣдныя облегченныя; 6) пушки 4-фунтовыя мѣдныя, заряжающіяся съ дула.

б) съ гладкимъ каналомъ.

Нормальные: 1) короткіе 1-пудовые единороги; 2) горные $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги; 3) мортиры мѣдныя и чугуныя 5-пудовыя новой конструкціи; 4) мортиры мѣдныя $\frac{1}{2}$ -пудовыя; 5) ручныя 3-фунтовыя мортирки.

Переходныя: 1) всѣ существующіе пушки и единороги, за исключеніемъ 18, 12 и 6-фунтовыхъ пушекъ и $\frac{1}{4}$ -пудовыхъ единороговъ; 2) мортиры мѣдныя и чугуныя 2-пудовыя и всѣ существующія, а именно: 5, 2, $\frac{1}{2}$ -пудовыя и 6-фунтовыя старой и новой конструкціи, оставляя старыя мортиры 5 и 2-пудовыя только для стрѣльбы съ малыхъ разстояній.

Что же касается до вопроса о соразмѣрности разныхъ нарѣзныхъ орудій въ вооруженіи крѣпостей, то наиболѣе выгодною признана слѣдующая:

8-дюймовыхъ стальныхъ сухопутныхъ 15 проц.; 24-фунтовыхъ стальныхъ (а также и мѣдныхъ) 20 проц., чугуныхъ 40 проц.; 12-фунтовыхъ стальныхъ (а также и мѣдныхъ) 10 проц., чугуныхъ 15 процентовъ.

Приводя главные выводы комитета по вопросу о вооруженіи нашихъ сухопутныхъ крѣпостей, мы не вдаемся въ большія подробности по этому предмету, чтобы не растянуть нашего обозрѣнія.

Изъ другихъ статей разсматриваемыхъ нами номеровъ „Артил-

(*) А также и мѣдныя, заряжающіяся сзади.

лерійскаго Журнала“ вниманіе неспеціалистовъ можетъ быть остановлено слѣдующими, болѣе или менѣе значительными, статьями: въ № 4—„Значеніе полевой артиллеріи и ея организаціи“, И. Маслова, гдѣ авторъ доказываетъ, что новое оружіе пѣхоты не можетъ уменьшить значенія артиллеріи, послѣ сдѣланныхъ въ ней усовершенствованій, и что даже современное значеніе артиллеріи сдѣлалось еще болѣе важнымъ, чѣмъ оно было во времена Наполеона I.

Въ томъ же № 4 помѣщена небольшая замѣтка г. А. Плещова: „Объ амуниціи упряжныхъ лошадей въ войскахъ“. Замѣтка эта вызвана вопросомъ о томъ: слѣдуетъ ли принять для парковыхъ и батарейныхъ повозокъ амуницію, предлагаемую для лошадей полковыхъ обозовъ, въ которой хомуты замѣнены шлейками? Г. Плещовъ вообще возстаетъ противъ шлейки и находитъ, что во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ дешевизны, хомутъ лучше для запряжки лошадей въ тяжелыя повозки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполне справедливо замѣчаетъ, что всѣ улучшенія въ конской амуниціи слѣдуетъ по возможности обусловливать общностію употребленія оной какъ въ артиллерійской упряжи, такъ и вообще въ упряжи всѣхъ повозокъ въ войскахъ.

Во всѣхъ почти разсматриваемыхъ нами нумерахъ „Артиллерійскаго Журнала“ разбросаны, преимущественно въ отдѣлѣ „Смѣси“, многія свѣдѣнія объ американской артиллеріи, особенно объ орудіяхъ Паррота и Родмана, а также и объ артиллерійскихъ опытахъ, производящихся въ Англіи; но, не останавливаясь надъ этими свѣдѣніями, болѣе или менѣе извѣстными нашимъ читателямъ изъ „Иностраннаго Военнаго Обозрѣнія“, скажемъ нѣсколько словъ о статьѣ г. Шатилова: „По поводу вопроса о Михайловской артиллерійской академіи“ (въ № 7) и о вышеупомянутой нами статьѣ неизвѣстнаго автора: „Замѣтки о конной артиллеріи“ (въ № 8).

Статья г. Шатилова написана по поводу извѣстной уже нашимъ читателямъ статьи г. Майкова: „О правахъ и преимуществахъ артиллерійской академіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Артиллерійскаго Журнала“ за прошлый годъ (*). Сдѣлавъ предварительно нѣсколько весьма дѣльныхъ возраженій противъ выводовъ и системы изслѣдованія г. Майкова, авторъ

(*) Разборъ этой статьи былъ помѣщенъ въ отдѣлѣ „Библиографіи“ № 10 „Военнаго Сборника“ 1864 г.

излагаетъ сперва нѣсколько общихъ понятій о современномъ значеніи спеціальнаго образованія и объ отношеніи его къ общему и затѣмъ уже переходитъ къ изложенію своихъ мыслей относительно современнаго значенія и состоянія Михайловской артиллерійской академіи.

Главная идея предложеній г. Шатилова заключается въ томъ, что онъ желаетъ большей, такъ сказать, спеціализаціи артиллерійскихъ знаній: онъ требуетъ, чтобы въ академію поступали люди, уже вполне окончившіе общее образованіе, получали въ ней только общее спеціально-артиллерійское образованіе и затѣмъ уже, прослуживъ нѣкоторое время, избирали предметомъ своихъ занятій одну какую-нибудь отрасль общей артиллерійской спеціальности. Иными словами, г. Шатиловъ предлагаетъ, чтобы техническій отдѣлъ академіи составлялъ продолженіе строеваго, а не былъ веденъ параллельно съ нимъ. Черезъ это, по его мнѣнію, съ одной стороны вѣрнѣе сохранилась бы общая связь между отдѣльными спеціальностями; составляющими одну цѣлую артиллерійскую спеціальность; съ другой же стороны, при такомъ порядкѣ вещей, можно было бы надѣяться, что выборъ спеціальности будетъ дѣлаться сознательнѣе, а слѣдовательно и удачнѣе, чѣмъ это возможно въ настоящее время.

Въ заключеніе своей статьи г. Шатиловъ указываетъ на фактъ, который замѣченъ имъ относительно одной артиллерійской академіи, но который, какъ кажется, подтверждается и въ отношеніи двухъ другихъ нашихъ военныхъ академій, именно: равнодушіе общества къ дѣлу академій. Распространяя то, что сказано г. Шатиловымъ насчетъ артиллерійской академіи, на объ другія академіи, можно повторить вслѣдъ за нимъ, что въ равнодушіи этомъ отчасти виноваты самыя академіи. По справедливому мнѣнію г. Шатилова, артиллерійская академія имѣетъ всѣ средства для того, чтобы, не ограничиваясь исключительно ролью воспитательницы, заявить свои права и на мѣсто въ ученое артиллерійскомъ мірѣ, т. е. изъ школы преобразоваться дѣйствительно въ академію и вывести свою ученую дѣятельность изъ стѣнъ заведенія на свѣтъ Божій.

„При помощи „Артиллерійскаго Журнала“—говоритъ онъ— академія могла бы знакомить артиллерійское общество съ результатами своей дѣятельности; она бы должна была объяснять обществу причины этого или другаго порядка, того или дру-

гаго преобразованія въ своей педагогической и ученой дѣятельности нѣсколько подробнѣе, чѣмъ это можетъ сдѣлать офиціальныи приказъ. Тогда бы академія сдѣлалась болѣе навѣстною и помешѣ бы встрѣчалось артиллерійскихъ офицеровъ, не только неизмѣющихся понятія о томъ, какія науки читаются въ академіи, но даже незнающихъ тѣхъ условий, которыя требуются для поступленія туда.

Все это болѣе или менѣе можетъ быть отнесено также къ инженерной академіи и къ Николаевской академіи генеральнаго штаба, хотя, впрочемъ, вторая изъ нихъ въ послѣднее время сдѣлала нѣсколько удачныхъ попытокъ для ознакомленія нашего военнаго общества съ ея учрежденіями и дѣятельностію. Читатели „Военнаго Сборника“ знакомы, по статьямъ „Русскаго Военнаго Обзорнія“, съ послѣдними измѣненіями въ учебной части академіи генеральнаго штаба.

Въ „Замѣткахъ о конной артиллеріи“ собрано очень много практическихъ замѣчаній относительно вооруженія, снаряженія, обмундированія, обученія и т. п. въ батареяхъ конной артиллеріи. Небольшая эта статья, безъ сомнѣнія, не пройдетъ незамѣченною нашими конно-артиллеристами и всѣми интересующимися этимъ родомъ войскъ.

Въ заключеніе нашего обзора вышеназванныхъ шести номеровъ „Артиллерійскаго Журнала“, считаемъ долгомъ упомянуть о свѣдѣніяхъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Смѣси“ этихъ номеровъ о дѣйствіи нашей артиллеріи въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, происходившихъ въ средней Азіи, а также о лекціяхъ полковника Лаврова, читанныхъ въ нынѣшнемъ году для офицеровъ артиллеріи. Лекціи имѣютъ предметомъ: „Вліяніе развитія точныхъ наукъ на успѣхи военнаго дѣла и въ особенности артиллеріи“ и „Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ“. Такъ какъ эти лекціи, послѣ напечатанія ихъ въ „Артиллерійскомъ Журналѣ“, вышли двумя особыми книжками, то разборъ ихъ будетъ помѣщенъ въ отдѣлѣ „Библиографіи“ одного изъ слѣдующихъ номеровъ „Военнаго Сборника“.

Оружейный Сборникъ 1864 г. и №№ 1 и 2 за 1865 г.

Очень давно уже мы не обозрѣвали статей „Оружейнаго Сборника“; но сдѣлимъ оговориться, что это было дѣлаемо вами вовсе не потому, чтобы журналъ не представлялъ ниче-

го интереснаго для военныхъ читателей. Напротивъ, въ немъ постоянно встрѣчается очень много такого, съ чѣмъ не только интересно и полезно, но даже необходимо знакомишься каждому военному. При повсемѣстномъ распространеніи ружейнаго оружія, при относительной еще малоизвѣстности его, существованіе журнала, подобнаго „Оружейному Сборнику“, необходимо, и онъ долженъ быть почти настольною книгою для каждаго интересующагося ружейнымъ оружіемъ. Конечно, содержаніе подобнаго изданія не можетъ быть слишкомъ занимательно, особенно для тѣхъ, кто ищетъ въ чтеніи развлеченія: оно неизбѣжно должно быть нѣсколько сухо, какъ вообще всякаго рода спеціальныя свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе содержаніе это поучительно, и можно только пожелать, чтобы оно было излагаемо въ возможно болѣе популярной, общедоступной формѣ, чтобы сдѣлаться достояніемъ массъ, а не одного замкнутаго кружка специалистовъ оружейнаго дѣла.

Знакомить нашихъ читателей съ большею частію статей „Оружейнаго Сборника“ очень затруднительно: статьи эти по преимуществу техническаго содержанія, и ихъ положительно нельзя передавать въ извлеченіяхъ; можно только рекомендовать ихъ для чтенія и даже для изученія. Къ числу такихъ статей за прошлый годъ принадлежатъ: въ № 1: „Дѣло замка“, г. Корсакова, гдѣ изложено изготовленіе всѣхъ частей ружейнаго замка; въ № 2: „О сравненіи достоинства оружія различныхъ системъ въ отношеніи стрѣльбы изъ нихъ съ разстояній, опредѣляемыхъ глазомѣрно“, и небольшая статейка „Военныя капсули“, знакомящая съ разными системами приготовленія капсулей и съ ихъ достоинствами; въ № 3, вниманіе всѣхъ занимающихся стрѣльбою въ цѣль должно быть остановлено на статьѣ поручика Н. Севенарда: „Объ опытахъ надъ мишенями деревянными и холщевыми на рамахъ деревянныхъ и желѣзныхъ, и о введеніи холщевыхъ мишеней на рамахъ желѣзныхъ, для стрѣльбы изъ винтовокъ шестилинейнаго калибра“. Статья эта непременно принесетъ пользу при занятіяхъ стрѣльбою въ цѣль, особенно въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ и даже малолѣсныхъ. Въ томъ же № 3 помѣщено окончаніе статьи г. Корсакова „Оружейное производство на Ижевскомъ оружейномъ заводѣ въ 1858 и 1859 годахъ“, и часть статьи г. П. Лукина: „Починка ручнаго огнестрѣльнаго оружія“, труда совершенно спеціально-техническаго, который тѣмъ не менѣе заклю-

часть въ себѣ много подробностей, знаніе которыхъ необходимо почти для каждаго пѣхотнаго начальника, а особенно для имѣющихъ наблюденіе за исправностію оружія въ войскахъ.

Въ № 4 статья г. В. Шкляревича: „Нѣкоторыя соображенія о наимыгоднѣйшемъ калибрѣ пѣхотнаго ружья двупульной системы“, хотя и не можетъ назваться вполне популярною, однако интересна въ связи съ тѣми изысканіями и опытами, которые у насъ производятся надъ ружьями двупульной системы. Гораздо болѣе интереса представляетъ помѣщенная въ томъ же номерѣ, переведенная съ французскаго, статья: „Стрѣльба изъ ручнаго оружія въ пѣхотѣ“.

Статья эта разбираетъ нарѣзное оружіе относительно употребленія его въ бою и указываетъ на то вліяніе, какое оказало введеніе его на бой; вмѣстѣ съ тѣмъ указываются и на наиболѣе соотвѣтственныя средства для обученія стрѣльбѣ, которое одно только можетъ вполне доставить этому оружію тѣ преимущества въ бою, которыхъ можно и должно ожидать отъ него.

Независимо отъ названныхъ нами статей, въ „Оружейномъ Сборникѣ“ прошлаго года помѣщены „Лекціи тактики“, читанныя въ учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ г. М. Драгомировымъ (*), и „Теоретическій курсъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи“, г. Вельяминова-Зернова, преподаваемый въ томъ же учебномъ баталіонѣ. Изданіе обоихъ курсовъ, безъ сомнѣнія, встрѣчено сочувствіемъ всего нашего военнаго сословія, и остается только желать, чтобы примѣру этому почаще слѣдовали преподаватели и другихъ отраслей военныхъ знаній въ разныхъ среднихъ и особенно въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Подобныя труды не мало могли бы способствовать развитію военнаго образованія въ нашей арміи.

Два номера „Оружейнаго Сборника“ нынѣшняго года почти вполне посвящены разнаго рода изслѣдованіямъ и новостямъ объ оружіи, заряжающемся съ казенной части. Исключеніе составляютъ только нѣкоторыя мелкія статьи въ отдѣлѣ „Смѣси“ и слѣдующія три статьи: въ № 1: „Машинное производство ложъ на Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ“, Ев. Гутора, и „О командируемыхъ отъ войскъ приѣмщикахъ“, г. П. Майкова, а въ № 2: „Обозрѣніе военныхъ дѣйствій по

(*) Разборъ этихъ лекцій, вышедшихъ отдѣльною книжкою, былъ помѣщенъ въ № 12 „Военнаго Сборника“ за 1864 г.

усмирению польскаго мятежа“, служащее продолженіемъ подобныхъ же обзорѣній, помѣщенныхъ въ №№ 1, 2 и 4 „Оружейнаго Сборника“ за прошлый годъ. Почти все остальное посвящено оружію, заряжающемуся съ казны, что, впрочемъ, и весьма естественно, такъ какъ въ настоящее время повсемѣстно обращено главное вниманіе на это оружіе.

Изъ числа свѣдѣній, сообщаемыхъ объ оружіи, заряжающемся съ казны, особенно замѣчательны: въ № 1 статья П. Лукина: „Новые образцы оружія, заряжающагося съ казны“, и въ № 2 „Теоретическія и практическія соображенія касательно устройства механизмовъ оружія, заряжающагося сзади. Выводъ основныхъ началъ ихъ устройства“, В. Чебышева. Последняя статья, конечно, обратитъ на себя вниманіе спеціалистовъ по оружейной части, такъ какъ въ ней сдѣлана первая попытка вывести заключеніе не объ одномъ какомъ-нибудь образцѣ новаго оружія, а о цѣлой системѣ заряжающагося сзади оружія. Тутъ же, на основаніи какъ производившихся въ разныхъ государствахъ опытовъ надъ разными системами новаго оружія, такъ и на основаніи теоретическихъ заключеній, выводятся основныя начала для заряжающагося сзади оружія и предлагаются нѣкоторыя усовершенствованія въ запирающемъ механизмѣ. Не останавливаясь на этой чисто-спеціальной статьѣ, считаемъ болѣе удобнымъ съ цѣлю нашего „Обозрѣнія“ познакомить читателей съ нѣкоторыми наиболее замѣчательными образцами новаго оружія, описанными въ статьѣ г. П. Лукина.

Изъ числа новѣйшихъ образцовъ оружія, заряжающагося сзади, въ послѣднее время особенное вниманіе обратилъ на себя карабинъ системы Вестлея-Ричардса, испытанный въ англійской кавалеріи и во флотѣ. Не вдаваясь въ подробности устройства этого карабина, замѣтимъ, что онъ былъ испытанъ и у насъ, при чемъ получились очень удовлетворительные результаты. Но въ этой системѣ сохраненъ еще капсюль, надѣваніе котораго на стержень сопряжено съ немалою потерей времени, и имѣются еще нѣкоторыя другія неудобства; потому система эта значительно уступаетъ другой, болѣе новой системѣ, стрѣляющей особымъ металлическимъ патрономъ. Этотъ патронъ состоитъ изъ пули и мѣдной наполненной порохомъ гильзы, края которой у дна загнуты вѣичикомъ, наполненнымъ ударнымъ составомъ, служащимъ вмѣсто капсюля. При такихъ па-

тронахъ не нужно капсюля, по неизмѣннѣю патронной бумаги, каналъ не засоряется и не прѣпятствуетъ новому заряданію оружія, въ каналѣ не остается значительнаго пороховаго нагара, который принимаетъ на себя мѣдная патронная гильза, черезъ что калибръ въ казнѣ и запирающій механизмъ сохраняются лучше, и, наконецъ, газы въ каналѣ удерживаются самою гильзою, раздающеюся при стрѣльбѣ и уничтожающею зазоръ. Всѣ эти преимущества общають хорошую будущность металлическимъ патронамъ, такъ что, при новѣйшихъ испытаніяхъ оружія, заряжающагося съ казны, въ послѣднее время болѣе всего обращено вниманія на эти патроны. По всей вѣроятности, они, удобствомъ ихъ употребленія, получаютъ полное преобладаніе надъ всѣми другими изобрѣтеніями по этой части.

Изъ числа системъ оружія, стрѣляющаго металлическими патронами, у насъ испытывались: 1) карабинъ американской системы, признанный, впрочемъ, слишкомъ сложнымъ; 2) американскій револьверъ системъ Смита и Вессона, оказавшійся наилучшимъ изъ всѣхъ системъ револьверовъ, заряжающихся готовыми патронами, и 3) американская система, примѣненная у насъ, для предварительныхъ опытовъ, къ ружью. Всѣ эти изысканія подають надежду имѣть у насъ въ непродолжительномъ времени образцы оружія, заряжающагося съ казны, не только съ бумажными патронами, стрѣляющими съ капсюлемъ, но и съ металлическими или съ полуметаллическими, не требующими капсюлей, что составитъ, безъ сомнѣнія, важное улучшеніе въ этомъ дѣлѣ.

Единовременно съ этими изслѣдованіями, дѣлаются весьма усиленные изысканія по изготовленію готовыхъ металлическихъ и полуметаллическихъ патроновъ не только здѣсь, въ С.-Петербургѣ, но и за границею, находящимися тамъ нашими офицерами.

Что же касается статей, неотносящихся до оружія, заряжающагося сзади, то между ними болѣе всего обращаетъ на себя вниманія статья г. Майкова: „О командирѣмыхъ отъ войскъ приѣмщикахъ“. Дѣло идетъ о тѣхъ приѣмщикахъ, которые посылаются на оружейные заводы для приѣма оружія. Основываясь на статьяхъ „Свода Военныхъ Постановленій“, г. Майковъ выводитъ, что назначеніе этихъ приѣмщиковъ составляетъ совершенно излишнюю формальность, которая ведетъ къ запутанности и крайней неясности въ отношеніяхъ приѣмщи-

ковъ какъ къ самымъ войскамъ, такъ и къ приемнымъ комиссиямъ, существующимъ при заводахъ. Поэтому онъ предлагаетъ отмѣнить вовсе командированіе отъ войскъ приемщиковъ на оружейные заводы, въ арсеналы и склады, а установить, чтобы оружіе доставлялось въ войска заводскими приемными комиссиями, укупоренное въ ящикахъ, за печатями самой комисіи, въ сопровожденіи особыхъ довѣренныхъ отъ нея лицъ, и затѣмъ, чтобы, по прибытіи транспорта съ оружіемъ къ мѣсту назначенія, войска принимали оружіе на основаніи установленныхъ правилъ и высылали уже въ комисію чистую квитанцію. Такимъ порядкомъ дѣйствительно могутъ быть устранены многія происходящія нынѣ затрудненія и столкновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Майковъ дѣлаетъ нѣсколько весьма справедливыхъ замѣчаній относительно самага канцелярскаго дѣлопроизводства, на сколько оно связано съ отпускомъ въ войска оружія. При этомъ онъ особенно возстаетъ противъ тѣхъ мелочныхъ, почти невыполнимыхъ и въ сущности ни къ чему неведущихъ положеній объ укупоркѣ, которыя существуютъ для отправления оружія въ войска. Положенія эти нисколько не улучшаютъ контроля, для людей добросовѣстныхъ они составляютъ только излишнее стѣсненіе, для злонамѣренныхъ же не только недостаточны, но даже скорѣе всего могутъ быть примѣнены къ ихъ же пользамъ. По всѣмъ такимъ причинамъ положенія эти должны бы подвергнуться обстоятельному пересмотру и значительному, коренному измѣненію.

Изъ болѣе мелкихъ статей „Оружейнаго Сборника“ за нынѣшній годъ, кромѣ нѣсколькихъ статей объ охотѣ, могутъ быть полезными для войскъ помѣщенные въ № 2 „Практическія замѣтки объ употребленіи ствольныхъ палокъ, деревянныхъ приборниковъ и шомпольныхъ втулокъ“. Статейка эта по своему содержанію близко подходитъ къ помѣщенной въ № 2 „Военнаго Сборника“ за нынѣшній годъ статья г. В. Б.: „Причины порчи нарѣзнаго оружія“: въ ней также выражено мнѣніе о совершенномъ неудобствѣ ствольныхъ палокъ, при чемъ высказано, что лучшимъ средствомъ къ предохраненію стволовъ отъ ржавчины должны считаться *кожаные надульные чехолки*, которые одобрены оружейною комисією, были испытаны въ одномъ изъ гренадерскихъ полковъ сравнительно съ пробками, имѣющими металлическія головки, а нынѣ переданы еще на испытаніе въ одинъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ.

Кромѣ того, въ статьѣ отвергаются вовсе прибойники, употребляемые въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ при практической стрѣльбѣ въ цѣль, а также предлагается измѣненіе шомпольныхъ втулокъ, которыя при нынѣшнемъ устройствѣ мѣшаютъ снятію штыка и требуютъ для этого непремѣнно выниманія самаго шомпола.

Въ приложеніи къ „Оружейному Сборнику“ за нынѣшній годъ помѣщены, собранныя въ одно, постановленія, относящіяся до приѣма, содержанія оружія въ войскахъ, отпуска на него ремонта и сдачи его въ артиллерійское вѣдомство. Такое собраніе всѣхъ этихъ положеній представляетъ, конечно, немалый интересъ для войскъ и можетъ быть весьма для нихъ полезно.

Въ заключеніе нашего обзора „Оружейнаго Сборника“, мы должны упомянуть, что въ двухъ его нумерахъ за нынѣшній годъ помѣщено нѣсколько библиографическихъ статей и особенно расширенъ отдѣлъ „Военнаго Обзорнія“, въ которомъ сообщается очень много свѣдѣній о состояніи ручнаго оружія, стрѣлковыхъ обществъ и о другихъ тому подобныхъ предметахъ. Все это возвышаетъ интересъ этого небольшого, но крайне необходимаго для нашей арміи періодическаго изданія.

Erörterungen über das Duell, nebst einem Vorschlage, von Hermann Graf Keyserling. (ИЗСЛѢДОВАНИЕ ВОПРОСА О ДУЭЛИ *графа Германа Кейзерлинга*. Дерптъ. 1864.)

Съ тѣхъ поръ, какъ дуэль, наслѣдіе, завѣщанное средне-вѣковымъ варварствомъ, утвердилась въ новомъ европейскомъ обществѣ, въ средѣ самыхъ просвѣщенныхъ и образованныхъ народовъ, литература не переставала возвышать своего голоса противъ этой вопіющей аномалии. Голосъ литературы остается безплоднымъ: дуэль продолжаетъ существовать на зло всѣмъ доводамъ писателей, громившихъ это безобразное явленіе нашего времени; но писатели не приходятъ отъ того въ уныніе, и брошюра графа Кейзерлинга служитъ новымъ доказательствомъ благородныхъ усилій тѣхъ, которые поставили себѣ задачею раскрывать общественныя язвы и предлагать средства къ ихъ исцѣленію. Конечно, авторъ не могъ сказать противъ дуэли ничего такого, что не было бы высказано до него или, покрайней мѣрѣ, что не приходило бы, въ годову

всякому здравомыслящему человѣку; онъ не могъ также, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей брошюры, развить вопросъ о дуэли во всей подробности; тѣмъ не менѣе брошюра его не должна пройти незамѣченною, и мы постараемся передать въ сжатомъ очеркѣ сущность ея содержанія.

Изслѣдованію своему графъ Кейзерлингъ предпосылаетъ краткую исторію происхожденія обычая дуэли.

Въ древности дуэль вовсе не была извѣстна. Единоборство греческихъ героевъ, воспѣтое Гомеромъ и другими поэтами, не имѣло ничего общаго съ современною дуэлью: при тогдшнемъ способѣ веденія войны и состояніи военного искусства, оно было самымъ естественнымъ заявленіемъ храбрости сражавшихся и нерѣдко служило средствомъ къ рѣшенію спора враждовавшихъ сторонъ. Напротивъ того, римляне, являе грековъ выработавшіе понятіе о военномъ дѣлѣ, смотрѣли на единоборство совсѣмъ съ другой точки: они считали его неприличнымъ для высшихъ сословій; по ихъ мнѣнію, единоборство безчестило свободнаго римскаго гражданина, который обязывался обнажать свой мечъ только противъ враговъ отечества, и потому оно было предоставлено лишь рабамъ-гладіаторамъ да варварамъ.

Начала дуэли надобно искать въ первыя времена среднихъ вѣковъ, т. е. въ тѣ темныя времена новаго общественнаго строя, когда безраздѣльно господствовало такъ называемое „кулачное право“. Тогда дуэль была явленіемъ понятнымъ: тогда никто не могъ разсчитывать на охрану и покровительство закона; всякій признавалъ за собою право собственной обороны и личной расправы, и самое понятіе о правѣ сильнаго не заключало въ себѣ тогда ничего предосудительнаго. Мало того: поединокъ занялъ почетное мѣсто между ордаліями или судомъ Божиимъ, и во всѣхъ средневѣковыхъ сборникахъ законовъ „судебный поединокъ“ (поединокъ между обвиняемымъ и обвинителемъ) былъ признаваемъ правомъ безспорнымъ. Но лишь только цивилизація стала пробиваться сквозь толстую кору невѣжества, лишь только власть государственная и правительственная стали мало по малу утверждаться, законодательство поспѣшило вступить въ борьбу съ грубымъ самоуправствомъ. Борьба была упорная, вѣковая. Она кончилась побѣдою надъ кулачнымъ правомъ, но поединковъ не истребило, благодаря рыцарству и турнирамъ. Измѣнился смыслъ, характеръ личной

расправы; самое же единоборство получило еще большее развитіе. Рыцарь, считавшій честь свою оскорбленную, искалъ расправы со своимъ оскорбителемъ; умереть въ бою за оскорбленную честь составляло высшій идеаль рыцарскаго званія; честь безъ мужества была немыслима; оба понятія сливались въ одно. При такомъ взглядѣ на значеніе дуэли, ни одному рыцарю и въ голову не приходило подумать о томъ, позволено ли единоборство, терпимо ли оно или запрещено законами; напротивъ, въ обществѣ укоренилась мысль, что только поединкомъ можно достойно охранить свою честь и что развѣ трусъ и подлець способны уклониться отъ такого способа расправы.

Изъ среды павшаго рыцарства образовалось дворянство. Такъ какъ оно посвятило себя преимущественно военной службѣ, то наследовало отъ рыцарей и всѣ традиціонныя понятія о чести, о мужествѣ, о необходимости, въ случаѣ оскорбленія чести, собственной расправы посредствомъ поединка. Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, утверждались иныя понятія о поводахъ къ поединкамъ; нѣкоторыя спорныя дѣла (напримѣръ, о собственности) поступали уже на рѣшеніе гражданскихъ судовъ, и мало по малу. вырабатывалась въ теоріи мысль, что только дѣла, касавшіяся именно личной чести, могли служить справедливымъ поводомъ къ поединку. Сила средневѣковыхъ обычаевъ самоуправства была однакожь такъ велика въ западной Европѣ, что они продолжали проявляться до исхода прошлаго и даже до начала нынѣшняго столѣтія въ такъ называемыхъ „*genscontres*“, въ тѣхъ свалкахъ, которыя начинались дуэлью, а оканчивались иногда формальнымъ боемъ всей свиты соперниковъ: секундантовъ, пріятелей, лакеевъ, конюховъ.

Европейское общество, устранивъ подобныя безобразія, тѣмъ не менѣе не сдѣлало послѣдняго шага къ уничтоженію дуэли: оно не только остановилось на полу-пути, но еще расширило кругъ дѣйствія дуэли. Лѣтъ за сорокъ или за пятьдесятъ, дуэль была исключительною привилегіей дворянства; преимущественно людей военныхъ, да студентовъ германскихъ университетовъ. По тогдашнимъ понятіямъ, дворянинъ, офицеръ, студентъ могъ не принять вызова члена средняго сословія, какъ лица себѣ неравнаго; въ наше время, дуэль стала принадлежностію всѣхъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ об-

щества, и всякій причисляющій себя къ этой категоріи имѣетъ право требовать, чтобы противникъ застрѣлилъ его или чтобы онъ самъ угостилъ тѣмъ же своего противника.

Какъ же относятся государственные законы къ дуэли? При разрѣшеніи этого вопроса представляются рѣзкія противорѣчія между закономъ и обычаемъ. Государство включаетъ дуэль въ число преступленій, и государственный судъ подвергаетъ дуэлистовъ, болѣе или менѣе строгому наказанію; понятіе же о чести, утвердившееся въ высшихъ и образованныхъ сословіяхъ, смотритъ на этотъ личный способъ расправы какъ на непремѣнное условіе всякаго *честнаго и благороднаго чловѣка*, оскорбленнаго такимъ же *честнымъ и благороднымъ чловѣкомъ*. Противорѣчіе идетъ еще далѣе: въ нѣкоторыхъ государствахъ военные законы, воспрещая дуэль, въ то же время дозволяютъ ее. Напримѣръ, прусскіе военные законы дозволяютъ дуэль, потому что допускаютъ приговоръ существующаго въ арміи „суда чести“, который рѣшаетъ: на столько ли нанесенное оскорбленіе противно чести и на столько ли оно находится внѣ области публичнаго права, что вызовъ становится неизбежнымъ? Въ виду такого противорѣчія между закономъ и обычаемъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго въ томъ, что всякій имѣющій притязаніе быть „честнымъ“ и „благороднымъ“ чловѣкомъ нимало не колеблется идти противъ закона. Противорѣчіе между закономъ и обычаемъ обнаруживается еще рѣче отъ непримѣненія или, по крайней мѣрѣ, отъ весьма неполнаго примѣненія карательныхъ за дуэль законовъ. Въ западно-европейскихъ государствахъ наказаніе ограничивается, смотря по исходу дуэли, болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, который въ иныхъ странахъ соединяется съ денежнымъ штрафомъ; но очень часто правительства показываютъ видъ, что ничего не знаютъ о дуэли, даже несчастно-кончившейся, а если виновные и бываютъ преданы суду и нельзя не произнести приговора по всей строгости законовъ, то милосердіе верховной власти смягчаетъ приговоръ и ослабляетъ наказаніе. Наконецъ, тамъ, гдѣ дѣла о дуэляхъ судятся судомъ присяжныхъ, присяжные всегда произносятъ: „не виновать!“ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ строже карательные противъ дуэли законы. Особенно во Франціи часты примѣры подобнаго оправданія.

Авторъ брошюры ничего не говоритъ о нашихъ военныхъ законахъ противъ дуэли. Какъ извѣстно, на основаніи дѣй-

ствующихъ у насъ военныхъ постановлений, за вызовъ на поединкъ, а также за принятіе вызова, законъ подвергаетъ виновныхъ лишенію чиновъ и правъ состоянія; за учиненіе же раны, увѣчья или убійства на поединкѣ, виновные наказываются какъ за умышенное нанесеніе ранъ, увѣчья и убійства.

Графъ Кейзерлингъ опровергаетъ ошибочное мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что если бы законы о дуэли были примѣняемы серьезно, то страхъ подвергнуться строгому наказанію вывелъ бы изъ употребленія средневѣковой обычай. Попытки чрезвычайной строгости были дѣланы, но не повели ни къ чему. Объяснить это нетрудно. Тотъ, кто выходитъ на дуэль, заранѣе знаетъ, что можетъ быть убитъ; слѣдовательно, и самое строгое наказаніе—смертная казнь—устрашило бы его не болѣе того, какъ опасность отъ дуэли. Да притомъ и идея устрашенія столько противорѣчитъ свойству дуэли, основанной на безстрашии, что не произведетъ желаемого дѣйствія.

Ошибка, по мнѣнію автора, кроется не въ законахъ и не въ недостаточномъ ихъ приложеніи: ее должно искать въ нашихъ нравахъ.

Всякій обычай можетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока онъ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ членовъ благоустроеннаго гражданскаго общества, согласуется съ ихъ социальнымъ бытомъ и не оскорбляетъ ихъ нравственныхъ и юридическихъ чувствъ. Дуэль, какъ средство самозащиты, возникла въ вѣкъ безсилія закона; мы, напротивъ, живемъ въ такое время, когда законы обладаютъ полною силою. Въ наше время, право принадлежитъ не одному сильному; личная безопасность и законная защита стали общимъ достояніемъ; всякій можетъ искать законнаго удовлетворенія за нарушеніе своихъ правъ или за оскорбленіе своей чести. Стало быть, самоуправство не имѣетъ теперь предлога: оно уступило мѣсто безопасности законной охраны. Все это мы понимаемъ; въ нашихъ убѣжденіяхъ и въ нашихъ привычкахъ мы согласны съ закономъ, запрещающимъ самоуправство, а все-таки допускаемъ расправу дуэлью, не смѣемъ идти наперекоръ этому обычаю и оправдываемъ себя тѣмъ, что дуэль неразлучна съ чувствомъ чести всякаго образованнаго и уважающаго себя чловѣка. Если—говоримъ мы—все значеніе дуэли основано на принципѣ чести и на удовлетвореніи за оскорбленную честь, то, какъ бы ни было велико наше уваженіе къ требованіямъ

закона и морали, нельзя же изгнать ее изъ нашихъ обычаевъ.

Итакъ, все противорѣчiе заключается собственно между принципомъ чести и общими требованiями закона и морали. Въ этомъ именно противорѣчiи авторъ и ищетъ разрѣшенiя вопроса.

Выше замѣчено, что, во времена преобладанiя силы оружiя, понятiя о мужествѣ и чести были тождественны. И въ нашъ вѣкъ мужество есть непремѣнное условiе чести, трусость и теперь несомнѣстима съ идеей чести; но дѣло въ томъ, что наши нравственные понятiя о чести расширились: мы требуемъ, чтобы честь, кромѣ личнаго мужества, сопровождалась и другими качествами; въ нашъ вѣкъ еще недостаточно драться и стрѣлять храбро, чтобы стоять предъ обществомъ съ незапятнанною честью. А если наши понятiя о чести стали шире и облагоустроеннѣе, если они опираются болѣе на началахъ нравственныхъ, нежели въ тотъ вѣкъ, когда честь и мужество сливались въ одно тождественное понятiе, то можетъ ли дуэль имѣть нынче такое же значенiе, какое придавалось ей въ среднiе вѣка? Какое внутреннее удовлетворенiе доставляетъ расправа съ противникомъ посредствомъ дуэли? Когда мы считаемъ честь свою оскорбленною, то въ первый моментъ душевной тревоги ощущаемъ потребность отплатить нашему оскорбителю такъ, чтобы и онъ, въ свою очередь, почувствовалъ оскорбленiе, или, говоря проще, *мы хотимъ отомстить ему*. Но и самые ревностные сторонники дуэли не могутъ не сознаться, что дуэль не должна быть средствомъ мести, потому что въ такомъ случаѣ она утратила бы свое значенiе, какъ дѣло чести, и стала бы на одну степенъ съ преступленiемъ. Честный же человекъ требуетъ, при помощи дуэли, только удовлетворенiя за свою честь; мысль о мести должна быть далека отъ него. Получить такое удовлетворенiе, особенно если законъ не можетъ дать его, и есть то притязанiе, на которомъ держится обычай дуэли и которымъ сторонники дуэли оправдываютъ необходимость ея. Дуэль — говорятъ они — восполняетъ собою пробѣлъ законодательства по неуловимымъ нравственнымъ вопросамъ; напримеръ: при оскорбленiяхъ словомъ, обида заключается иногда больше въ тонъ голоса, нежели въ само слово; такъ можетъ ли законъ опредѣлить подобныя отгѣнки на столько точно, чтобы они были понятны для судьи и удобопримѣнимы на практикѣ? Многiя самыя чувствительныя оскорбленiя подведены

закономъ подъ рубрику простыхъ обидъ и за нихъ опредѣляются ничтожныя взысканія; даже за оскорбленія грубыя, фактическія полагаются закономъ наказанія, вовсе несоотвѣтствующія испытанному поруганію. Разсуждая такимъ образомъ, защитники дуэли видятъ неудовлетворительность законовъ въ томъ, что, въ вопросахъ объ оскорбленіи чести, законы не различаютъ степени образованія и соціальнаго положенія оскорбленнаго, а это, по ихъ мнѣнію, необходимо: человѣкъ, принадлежащій къ высшему и образованному сословію, надѣленъ болѣе воспріимчивымъ чувствомъ чести, нежели простолюдинъ, привыкшій къ грубому обращенію.

На такія сужденія защитниковъ дуэли графъ Кейзерлингъ отвѣчаетъ слѣдующими доводами:

Простолюдины расправляются за обиды двояко: или они ругаются, или дерутся, и затѣмъ побѣдитель успокоивается при мысли, что хорошо отплатилъ своему противнику. Люди высшихъ сословій ищутъ удовлетворенія въ дуэли. Если бы пришлось сравнивать самоуправство посредствомъ ругательства или драки съ самоуправствомъ дуэлью, то, въ сущности, не оказалось бы разницы между обоими способами расправы мимо закона; но такъ какъ въ высшихъ сословіяхъ понятіе о чести имѣетъ другое значеніе, то, оставляя въ сторонѣ аналогію между грубою и утонченною расправою внѣ закона, можно предложить слѣдующій вопросъ: дѣйствительно ли дуэль доставляетъ удовлетвореніе намъ самимъ, нашему чувству чести, нашему собственному сознанію, или же мы находимъ удовлетвореніе только въ мысли, что должны были покориться силѣ обычая дуэли? Другими словами: мы деремся и стрѣляемся ради ли себя самихъ, или для свѣта? Пусть на эти вопросы отвѣтитъ тотъ, кто самъ выходилъ на дуэль; пусть внушатъ ему отвѣтъ тѣ чувства, которыя его волновали въ подобныя минуты — кончилась ли дуэль смертію противника, тяжелою или легкою ранюю, или ничѣмъ. Въ послѣднемъ случаѣ, дуэлистъ ощущаетъ, конечно, удовольствіе, что все кончилось хорошо, что совѣсть его не будетъ терзаема угрызениями, а честь, между тѣмъ, удовлетворена. Но такъ ли бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда противникъ тяжело раненъ или убитъ? Невозможно допустить, чтобы, при такомъ несчастіи, голосъ совѣсти молчалъ, чтобы въ душу не запало сомнѣніе: къ чувству полученнаго удовлетворенія непременно примѣшается горечь при

воспоминаніи о случившемся, и мало успокоительнаго будетъ имѣть мысль, что сила обычая заставила насъ изувѣчить или убить противника и что мы сами могли бы подвергнуться такой же участи. Даже затаенное чувство мести, проявившееся въ первыя минуты раздраженія, уступить въ послѣдствіи мѣсто другому, уже постоянному чувству, которое испыталъ всякій имѣвшій несчастье убить на дуэли своего противника.

Но если мы дрались изъ повиновенія силѣ обычая, если мы доказали свѣту, что наша оскорбленная честь восстановлена, то мнѣніе свѣта возвыситъ ли насъ въ собственныхъ глазахъ? Нисколько. Выходя на дуэль, мы хотѣли лишь доказать и доказали, что имѣли достаточно мужества драться; но этого рода мужество мы сами не можемъ цѣнить высоко: вѣдь оно проявляется и въ людяхъ безчестныхъ, низкихъ, нами презираемыхъ. Какое же удовлетвореніе нашей чести доставляетъ подобное мужество? Никакого! Мы не получили даже малѣйшаго возмездія за причиненное намъ оскорбленіе, потому что и противникъ нашъ доказалъ не меньше насъ мужество, и свѣтъ говорить, что *оба* поступили *по чести*. Оскорбленный—если онъ уцѣлѣлъ — убѣдился на опытъ, что противникъ его имѣлъ не только дерзость обидѣть его, но и смѣлость вступитъ съ нимъ въ бой. Въ этомъ заключается для оскорбленнаго все удовлетвореніе за испытанное поруганіе; оскорбитель же едва ли не останется въ выгодѣ насчетъ оскорбленнаго: онъ выходитъ изъ спора оправданнымъ, какъ будто не сдѣлалъ ничего такого, на что не имѣлъ бы полного права.

Да подно терпитъ ли ущербъ наша честь, если злой или легкомысленный клеветникъ старается оскорбить насъ? Наша честь развѣ въ его рукахъ? развѣ онъ можетъ по своему произволу отнять ее у насъ и возвратить? Могутъ ли злоба и низость клеветника повредить нашей чести и не падаетъ ли позоръ на него самого? Вотъ гдѣ общественное мнѣніе могло бы проявить свое могущество, изгоняя дерзкаго ругателя и грубаго негодяя изъ среды людей честныхъ и образованныхъ. Такое наказаніе было бы непременно дѣйствительно, если бы человѣкъ, всегда готовый на оскорбленіе другаго, не находилъ въ обычай дуэли вѣрнаго средства избѣгать приговора общественнаго мнѣнія. Дуэль не только освобождаетъ его отъ нравственной казни общества, но и восстанавливаетъ его честь и

соціальное положеніе. Стало быть, дуэль охраняет не оскорбленнаго, а оскорбителя.

Всего страннѣе, что предразсудокъ относительно дуэли господствуетъ лишь въ такъ называемомъ высшемъ, образованномъ обществѣ. Никто изъ представителей этого общества и не подумаетъ объ ущербѣ своей чести, если его оскорбитъ человѣкъ, стоящій на низшей ступени образованія и соціальнаго положенія. Обида со стороны такого человѣка не можетъ замарать нашу честь; мы видимъ въ этой обидѣ только нарушеніе права и потому не требуемъ ничего болѣе, какъ законнаго удовлетворенія и защиты, довольствуясь даже относительно легкимъ наказаніемъ виновнаго. „Почему же мы не поступаемъ такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ нанесенной намъ обиды?“ — спрашиваетъ авторъ. — „Если насъ оскорбляетъ человѣкъ равный намъ по званію, принадлежащій къ нашему образованному кружку, стоящій, слѣдовательно, на одинаковой съ нами высотѣ, то онъ отнюдь не можетъ возвыситься надъ нами, получить большія надъ нами права, замарать нашу честь тѣмъ, что ведетъ себя ниже достоинства своего званія, нарушаетъ условія благородныхъ обычаевъ и приличія.“

Такова сущность теоретической стороны изслѣдованій графа Кейзерлинга о дуэли. Собственно теоріи вопроса и посвящена вся брошюра; практическое же рѣшеніе его излагается лишь на послѣднихъ страницахъ, въ немногихъ словахъ.

„Пора наконецъ—говоритъ авторъ—избавиться намъ отъ обычая, который идетъ въ разрѣзъ съ нашими святѣйшими чувствами, съ нашимъ внутреннимъ убѣжденіемъ и со всѣми нашими нравственными понятіями о правѣ; отъ обычая, побуждающаго насъ къ дѣйствіямъ, которыхъ мы не можемъ оправдать ни передъ нашею совѣстію, ни передъ законами, и которые не согласны съ нашею собственною лучшею волею. Одинъ человѣкъ не въ силахъ противиться общему обычаю. Если бы онъ отвергнулъ вызовъ на дуэль, свѣтъ приписалъ бы трусости то, что онъ имѣлъ мужество отвергнуть по убѣжденію: примѣръ его вызвалъ бы порицателей, несправедливыхъ судей, сомнѣвающихся, равнодушныхъ, но, конечно, не нашелъ бы подражателей, потому что всякій побоялся бы ложнаго суда свѣта и уединеннаго положенія передъ силою обычая.“

Принявъ эти соображенія за исходную точку для практическаго разрѣшенія вопроса, авторъ предлагаетъ образовать, для

искорененія дуэли, общества, члены которыхъ обязались бы обнародовать и сами строго исполнять слѣдующія правила:

1) Что честь ихъ не можетъ найти удовлетворенія тамъ, гдѣ не находятъ его собственная совѣсть.

2) Что честь ихъ можетъ быть охраняема и поддерживаема только дѣйствіями нравственными, а не противозаконными.

3) Что честь не позволяетъ имъ быть слѣпымъ, лишеннымъ воли орудіемъ деспотическаго обычая, побуждающаго къ такимъ дѣламъ, которыя противны ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

4) Что они обязываются отвергать дуэль при всѣхъ, безъ исключенія, обстоятельствахъ и никогда не допускать вызововъ.

Подобныя общества, по мнѣнію автора, скоро достигли бы такихъ результатовъ, какіхъ донинѣ не достигало ни одно законодательство, да никогда и не достигнетъ, потому что вопросъ идетъ здѣсь не о предупрежденіи и наказаніи преступленій, а объ отмѣнѣ обычая, противнаго нравственнымъ и социальнымъ требованіямъ нашего вѣка.

„Есть только одна сила—говоритъ авторъ въ заключеніе—которая можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ: сила общественнаго мнѣнія. Возвысить эту силу, стать въ челѣ ея, придать вѣсь ея справедливымъ требованіямъ—такова прекрасная задача обществъ. Имъ не трудно будетъ положить конецъ несправедливому господству дуэли.“

Основная мысль графа Кейзерлинга найдеть, безспорно, отголосокъ въ душѣ всѣхъ тѣхъ, которые, подобно ему, смотрятъ на дуэль какъ на истинно-безобразное явленіе нашего вѣка, похваляющагося своею гуманностію и своею цивилизаціей. Достигнуть ли предлагаемыя авторомъ общества желаемыхъ результатовъ—это другой вопросъ, способный вызвать самыя противоположныя сужденія. Многія общества, основанныя съ наилучшими намѣреніями—противодѣйствовать тому или другому общественному злу и, если можно, искоренять его—оказывались безсильными именно передъ могуществомъ обычая, самаго нелѣпаго, самаго возмутительнаго, но тѣмъ не менѣе заставляющаго преклоняться предъ собою людей даже съ твердою волею и самостоятельнымъ характеромъ. Мы не отрицаемъ возможности благихъ послѣдствій отъ обществъ для искорененія дуэли; сердечно желаемъ, чтобы люди энергическіе, надѣленные практическимъ смысломъ, стали въ головѣ такихъ

обществѣ, но, конечно, мы не можемъ предсказать, чтобы ожидаемые результаты были достигнуты *скоро*, какъ полагаетъ графъ Кейзерлингъ.

У насъ, въ Россіи, дуэль не распространена въ такой степени, какъ въ государствахъ, получившихъ по наслѣдству этотъ остатокъ средневѣковаго кудачнаго боя: у насъ обычай дуэли держится главнымъ образомъ въ средѣ военнаго сословія, и преимущественно между офицерами молодыми. Справедливость требуетъ также сказать, что въ нашей военной средѣ дуэли случаются чаще всего изъ-за сущихъ пустяковъ. Можно сказать утвердительно, что женщины, карты, вино, молодечество играютъ у насъ главную роль въ поводахъ къ дуэли; и, наоборотъ, нерѣдко случается, что тяжкія оскорбленія вовсе не ведутъ къ кровавой расправѣ. Причина та, что, въ нашемъ военномъ обществѣ, дуэль—растеніе, недавно пересаженное съ чужой почвы, не успѣвшее пустить глубокихъ корней. И слава Богу! Значитъ, тѣмъ легче вырвать съ корнемъ неваннаго гостя. Эту задачу могутъ взять на себя наши суды общества офицеровъ, руководствуясь тѣми же основными началами, о которыхъ говоритъ графъ Кейзерлингъ. Если бы достойнымъ представителямъ этихъ судовъ удалось окончательно вытѣснить изъ нашей арміи варварскій обычай средневѣковаго самоуправления, основанный на подражаніи западнымъ народамъ, то подобная побѣда надъ человѣческими предрасудками и заблужденіями стоила бы блистательной побѣды надъ самымъ опаснымъ и вреднымъ врагомъ.

* *

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

О второмъ изданіи Карты Европейской Россіи и Сибири, съ обозначеніемъ военныхъ округовъ, сухопутныхъ, водяныхъ и телеграфныхъ сообщеній.

Надняхъ поступило въ продажу второе, дополненное изданіе „Карты Россіи и Сибири, съ обозначеніемъ военныхъ округовъ, губерній и сообщеній“. Не распространяясь о достоинствахъ этой карты, первое изданіе которой нашло полное сочув-

ствіе въ публикѣ, мы обязанностію поставляемъ себѣ сообщить нашимъ читателямъ, что во второмъ изданіи „Карты“ сдѣланы слѣдующія важныя дополненія

а) Показаны границы вновь учрежденныхъ военныхъ округовъ: *Кавказскаго, Оренбургскаго, Западнаго и Восточнаго сибирскихъ*, также границы губерній *Уфимской и Оренбургской*.

б) Нанесены линіи строящихся желѣзныхъ дорогъ: отъ Москвы до Орла, отъ Рязани до Козлова, отъ Динабурга до Витебска и отъ Одессы чрезъ Балту до Кременчуга.

в) Вновь награвированы Уральскія горы, при чемъ подписаны наиболѣе возвышенныя ихъ пункты.

г) Отмѣчены голубою краскою всѣ части рѣкъ, по которымъ ходятъ пароходы.

д) Въ губерніяхъ Астраханской, Саратовской и Пермской внесено болѣе 300 населенныхъ пунктовъ.

е) Для большей ясности границъ губерній, измѣнена ихъ иллюминавка (*).

(* По особому соглашенію съ составителемъ „Карты“, подписчики „Военнаго Сборника“ могутъ получить второе ея изданіе по 60 коп. за экземпляръ безъ наклейки, но не иначе, какъ обращаясь съ требованіемъ прямо въ контору редакціи „Военнаго Сборника“. Для неподписчиковъ цѣна „Карты“ 1 р., съ наклейкою 1 р. 60 к., съ приложеніемъ на пересылку каждаго экземпляра 40 коп.